

Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка

А.Д. Богатуров

Журнал «Международные процессы»

Страны Востока, за исключением немногих государств, продемонстрировали преимущественно нейтральную позицию в отношении российско-украинского конфликта. Ни одна из стран Латинской Америки не поддержала санкции Запада против России. Восточные государства предпринимают попытки осмыслить политику России с собственной, незападной перспективы, стремясь выработать варианты решения конфликта, опираясь на исторический и цивилизационный опыт Азии и Африки. В этой связи актуальным представляется создание отдельной восточной структуры под эгидой ООН, которая бы способствовала развитию самостоятельного цивилизационного подхода Востока, включая экономическое и культурное сотрудничество незападных стран. Отношения с Западом при этом воспринимаются Востоком как ценный исторический опыт в становлении великих держав.

В статье отмечается, что новая внешнеполитическая реальность вынуждает Россию осуществлять балансирование между противостоянием с «враждебным окружением» со стороны Европы и укреплением партнёрских отношений с Азией и Африкой. В результате экономические и политические процессы приобретают сложный и многоуровневый характер. Мир, с точки зрения Москвы, сегодня разделён на два противостоящих лагеря: западный, характеризующийся жёсткой дисциплиной, единством и прагматизмом; восточный, для которого свойственны национальный уклад, особый тип экономического роста и не менее жёсткие политические и культурные установки.

Автор подчёркивает необходимость формирования и концептуализации незападного взгляда на международные отношения в рамках российской науки. Перевод западных терминов и концепций на восточные языки требует особой осторожности и разъяснения их культурной специфики. Важнейшей задачей становится осмысление исторического и политического опыта евразийских, азиатских и африканских обществ, интеграция этого опыта в международную науку. На основе этого опыта возможно формирование единого кодекса межкультурного взаимодействия между Азией, Африкой и пограничной Евразией. Автор отмечает существование на Востоке и в Евразии особого типа человека, отличающегося от европейского по стилю мышления и принятия решений, что также должно

УДК: 327.8:321.01:316.42

Поступила в редакцию: 10.02.2025

Принята к публикации: 15.06.2025

учитываться в теоретическом осмыслении международных отношений. Особое внимание уделено роли информационной политики в формировании восприятия восточными странами тех смыслов и установок, которые транслируются западными государствами.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, российско-украинский конфликт, санкции, Восток, Латинская Америка, незападные подходы, азиатская платформа ООН, евразийская идентичность, межкультурный диалог, теория международных отношений, информационная политика

31 марта 2023 г. Президентом Российской Федерации была утверждена новая Концепция внешней политики России, необходимость принятия которой была обусловлена существенным изменением международных реалий и утратой актуальности предыдущей версии от 2016 г. В данном документе была сформулирована совокупность идей, определяющих контуры внешнеполитического курса России на ближайшие годы. Особое внимание в Концепции уделено осознанию Россией своей уникальной роли как страны, исторически объединяющей тысячелетнюю традиционную европейскую культуру и иные культуры Евразии (статья 4)¹. Важным элементом нового подхода стало подчёркивание статуса России как второй по мощи ядерной державы мира, что позволяет ей играть ключевую роль в поддержании глобального баланса сил и способствовать формированию многополярной международной системы (статья 5).

После 2014 г. восприятие внешнего мира и места России в нём существенно изменилось в официальном мировоззрении Москвы. Этому способствовал целый ряд внутренних и международных событий, повлекших за собой кардинальную переоценку предыдущих внешнеполитических установок.

Одним из важнейших внутривнутриполитических изменений, оказавших глубокое влияние на внешнеполитический курс России, стала масштабная конституционная реформа, объявленная в январе 2020 г. и утверждённая по итогам общенародного голосования 22 апреля того же года. Среди принятых поправок особое значение имело предложение депутата Государственной думы В.Н. Терешковой, внесённое 10 марта 2020 г., согласно которому была отменена действовавшая ранее норма о невозможности для президента выдвигать свою кандидатуру на должность главы государства более двух сроков подряд. Данная поправка фактически узаконила возможность неограниченного переизбрания президента.

Данные изменения сопровождались усилением дисциплины и жёсткости исполнения президентских указов и распоряжений. Президент получил фактически неограниченную возможность реализовывать собственные представления о целях государственной политики.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 229. Ст. 4, 5, 6.

Дополнительной мерой, усилившей личную власть президента, стала принятая поправка, согласно которой президент после завершения своих полномочий автоматически получал право на пожизненное членство в Совете Федерации в статусе сенатора. Таким образом, в период с января по ноябрь 2020 г. в России был осуществлён комплекс внутривластных трансформаций, который существенно изменил конфигурацию власти и повлиял на её внутреннюю и внешнюю политику.

Дипломатический разворот: Восток выходит вперёд

С конца февраля 2022 г. Российская Федерация начала Специальную военную операцию против Украины. Это событие сразу же было охарактеризовано западными обозревателями как фактор, существенно увеличивающий риск возникновения мировой ядерной войны. Основной зоной конфликта стали восточные и южные области Украины². Киев получил военную поддержку со стороны государств НАТО, в первую очередь от США и большинства европейских стран, которые одновременно предоставили Украине значительную политическую и экономическую помощь. В результате мир оказался фактически расколотым в вопросе отношения к российско-украинскому конфликту. Запад занял резко негативную позицию по отношению к Москве, в то время как в Азии только Япония и Южная Корея частично присоединились к антироссийским санкциям.

Большинство восточных государств избрали иную стратегию реагирования на события. Страны арабского мира, Китай, Индия, Турция, Иран, государства Центральной и Юго-Восточной Азии, а также страны Африки («Чёрная Африка») предпочли занять выжидательную позицию, дистанцируясь от непосредственного вовлечения в конфликт и избегая присоединения к западным санкциям. Аналогичную позицию заняли страны Латинской Америки, которые также не поддерживали западные ограничения против России.

Восточные государства внимательно наблюдали за эволюцией позиций США, Великобритании, Франции и Германии по отношению к конфликту начиная с 2014 г. На основе этого наблюдения они попытались сформулировать собственные, независимые от Запада подходы к решению возникших проблем. В этих условиях Москва стремилась предложить Востоку альтернативный способ разрешения международных конфликтов, основанный на незападном восприятии мировых процессов.

Перед российскими востоковедами в этой связи встала задача чётко обозначить существующие проблемы и изложить их на научно обоснованном уровне, что обеспечило бы возможность для продуктивного диалога между

² Россия к настоящему времени законным образом включила в себя с 2014 г. Республику Крым, а в 2022 г. – Донецкую и Луганскую народные республики, а также Херсонскую и Запорожскую области в южном и юго-восточном пределах Украины (Донбасс, Приднестровье). Не решенным оставался вопрос о Новороссии.

представителями западных и незападных государств. Участниками таких дискуссий могли бы стать делегаты России, Беларуси, Казахстана, Турции, Китая, Индии, Ирана, государств Юго-Восточной Азии и арабского мира. Предметом обсуждений могло бы быть выявление принципиальных различий между западными и восточными подходами к разрешению международных конфликтов в контексте возобновившегося после 2014 г. противостояния между Россией и Западом.

На наш взгляд, распространённое в западной традиции представление о том, что именно европейский исторический опыт, сформированный ещё в эпоху Средних веков, является универсальным образцом для политического и социального развития всех обществ, не учитывает фундаментальные культурные и исторические различия между Западом и Востоком³. Средневековая Европа сформировала особые институты власти, политические традиции и социальные практики, отражающие специфику европейского цивилизационного пути. Попытки распространить эти институты и нормы на незападные общества, обладающие собственной уникальной историей и традициями, неизбежно порождают противоречия и конфликты.

Россия, являясь страной лишь отчасти европейской, обладает выраженной евразийской идентичностью и геополитическим положением на стыке Европы и Азии. В последние годы Россия сумела преодолеть ранее доминировавшие «европейские комплексы» и открыла для себя перспективу евразийского пограничья как самостоятельной цивилизационной сущности. Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Хабаровск и другие российские города начали осознавать себя частью страны, продвигающейся вперёд не только за счёт ресурсов своих европейских территорий, но и благодаря природным богатствам азиатских регионов (нефти, газа, урана, металлов, угля, леса, драгоценных металлов и камней).

В третьем десятилетии XXI в. Китай и Индия заняли экономическое, политическое и культурное положение, фактически равное ведущим державам Запада. Однако западное восприятие этих стран по-прежнему отмечено стереотипами о якобы «отсталом» Востоке. Данная оценка представляется устаревшей и неадекватной реальному положению дел.

Сегодня у представителей восточной научной и интеллектуальной элиты назрел важный вопрос: почему объяснения евразийских и азиатских проблем до сих пор преимущественно базируются на евро-американской научной литературе? Восточные учёные считают необходимым разработать собственные, более убедительные объяснения причин возникновения конфликтов на азиатской почве, а также на пограничье Евразии и Европы. Для этого важно

³ Оригинальный взгляд на дискуссии в американском истеблишменте на перспективы политики США. (См.: Боровский 2024: 21–35).

опираться на исследования авторов из России, Индии, Китая, стран арабского мира, Турции, Ирана, Малайзии и Индонезии. Такой подход позволит посмотреть на российско-украинский конфликт с иных позиций и предложить его решение, основанное на опыте стран Азии и Африки.

Между тем на Западе продолжается эскалация противостояния между Россией и НАТО, сопровождаемая болезненным и неопределённым поиском новой линии разграничения сфер влияния. Россия категорически не согласна с переходом восточноевропейской Украины в западную сферу влияния.

Неполное соответствие Организации Объединённых Наций ожиданиям Востока

С 2014 г. произошло заметное ухудшение международных отношений, которое постепенно привело к вооружённому конфликту между «националистически» ориентированной Украиной и «патриотической» Россией. При этом Организация Объединённых Наций, являясь многонациональным инструментом обеспечения мира, в значительной мере оказалась парализованной в своей миротворческой роли вследствие политического давления со стороны США и ведущих западноевропейских государств. В этой ситуации Россия и Китай стали регулярно использовать своё право вето в Совете Безопасности ООН в тех случаях, когда, по их мнению, западные инициативы могли привести к дальнейшему усилению конфликта и даже повысить угрозу мировой войны в европейском регионе.

Возникает закономерный вопрос: обладает ли ООН необходимыми институциональными возможностями и инструментами, чтобы эффективно предотвратить подобные конфликты в Азии, Африке и Латинской Америке? Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что вряд ли. Важным фактором, ограничивающим универсальность ООН, является то, что основные её органы и структуры расположены в Нью-Йорке, на территории США. Это обстоятельство сформировалось в середине XX в., в разгар Второй мировой войны, когда ведущие державы-победительницы не смогли предусмотреть весь спектр вызовов, характерных для послевоенного мира. Отсутствие соответствующих решений в тот период серьёзно затруднило осмысление проблем независимости недавно освободившихся государств, а также таких специфических региональных вопросов, как вооружённые конфликты и внутренние противоречия в странах Азии и Африки.

Существенное изменение ситуации произошло во второй половине 1950-х гг. когда рост национально-освободительных движений в странах Азии и Африки привёл к кардинальным изменениям политического климата этих регионов. Ярким примером этого стала проведённая 24 апреля 1955 г. в индонезийском городе Бандунге конференция стран Азии и Африки, на которой представители западных держав принципиально не присутствовали (АСЕАН в начале... 2010).

Среди современных институциональных решений ООН следует упомянуть инициативу «Альянс цивилизаций», штаб-квартира которого расположена в кампусе ООН в Нью-Йорке. В 2021 г. был открыт его дополнительный офис в Женеве. Основная задача Альянса формулировалась как снижение напряжённости в отношениях между Западом и исламским миром. Среди его приоритетных направлений были обозначены развитие высшего образования, журналистики и в более широком смысле — вопросы миграции восточной молодёжи на Запад⁴.

Однако такое понимание задач Альянса цивилизаций ООН, сформулированное преимущественно западными представителями и поддерживаемое «прозападными» восточными кругами, по нашему мнению, представляется ограниченным. Проблематика исламского мира и восточных стран сводится в рамках ООН к военным аспектам терроризма и миграции в Европу и США молодых людей с Востока и из Восточной Европы. В результате суть более широких цивилизационных вопросов, характерных для Востока, остаётся за пределами повестки.

Несмотря на обнадеживающее звучание инициативы «Альянса цивилизаций», восточная цивилизационная идентичность остаётся до конца не сформулированной. Мы полагаем, что содержательно обозначить её могут только учёные и специалисты непосредственно из государств Востока и пограничных евразийских стран, действующие от имени своих обществ, а не представители западных организаций. Важную роль в интеллектуальной и финансовой поддержке такого начинания могли бы сыграть *азиатизированные* народы Восточной Европы — русские, башкиры, татары, коми-пермяки, удмурты, марийцы, чеченцы, казахи, белорусы, украинцы, турки и представители других народов региона. Важным направлением политики восточных государств становится не только поощрение молодых талантливых людей к получению образования на Западе, но и удержание их на Востоке.

На наш взгляд, актуальной становится подготовка научного доклада, написанного с азиатских позиций и составленного учёными и профессионалами, постоянно проживающими на азиатской и пограничной евразийской территориях. К числу таких пограничных между Европой и Азией государств, обладающих необходимым потенциалом, следует отнести прежде всего Россию, Казахстан и Турцию. Конечно, реализация подобного начинания невозможна без активной поддержки Китая, Индии, Ирана, Узбекистана, арабских стран и государств Юго-Восточной Азии. К участию в проекте могли бы привлечь управленческие и интеллектуальные элиты этих азиатских и пограничных евразийских государств.

⁴ 8th UNAOC Global Forum in UNHQ, New York. 2018. 19–20 November. См. также: (Попов 2007)

Для реализации указанной идеи представляется необходимым создание специальной восточной платформы ООН, предназначенной для глубокого изучения и решения цивилизационных вопросов, проблем терроризма, миграции, высшего образования и развития СМИ с учётом специфики азиатско-африканских обществ. Такая платформа могла бы стать мощным инструментом для стимулирования экономического и культурного развития Азии и Африки. Вопрос её размещения — в Нанкине, Мумбаи (Бомбее), Малакке или в ином месте — должны решить сами страны Азии.

В контексте российско-украинского конфликта, начавшегося в феврале 2022 г. в юго-восточных регионах Украины, ярко проявились существенные различия в восприятии конфликта на Западе и на Востоке. Агрессивный настрой западных стран контрастирует со сравнительно спокойной и лояльной позицией стран Востока. Это подчёркивает различия между западным и восточным пониманием причин и последствий текущих событий. Позиции России и Китая как постоянных членов Совета Безопасности ООН входят в противоречие с западными инициативами «по мирному урегулированию». Аналогичную позицию занимает и Индия, не входящая в Совет Безопасности ООН, однако активно влияющая на формирование восточного взгляда на происходящие события. Представляется, что именно восточный взгляд на конфликты мог бы помочь снизить напряжённость в Восточной Европе — регионе, исторически испытывающем значительное влияние со стороны азиатских и пограничных евразийских стран.

Национальная традиция:

«дозированная демократия» или «сильное партгосударство» на Востоке?

До 2014 г. в мире доминировало представление о неизбежности глобального сближения политико-экономических моделей различных стран по образцу западной демократии и рыночной экономики. Однако с 2014 г. российская внешняя политика всё больше стала демонстрировать противоположную тенденцию, ориентируясь на альтернативные, преимущественно незападные модели развития. В течение последующего десятилетия произошла существенная переориентация российской внешней и экономической политики с Запада на Восток. Россия заметно расширила связи с Китаем, Индией, Ираном, Турцией, арабскими государствами, Вьетнамом, Малайзией, Таиландом, а также активизировала сотрудничество со странами Африки и Латинской Америки. В результате перед российской внешней политикой возникла задача совмещения противостояния с американско-европейским «враждебным окружением» с поддержанием и укреплением отношений с государствами Азии и Африки.

Современные экономические тенденции привели не к «вестернизации», как ранее предполагали многие российские интеллектуалы, воспитанные в традициях американско-европейских стандартов периода 2000–2013 гг., а к нарастанию

глобального многообразия и сложности (Чешков 2005: 65–66; Чумаков 2010). Экономическое развитие мира разделилось на два принципиально различных направления. Западный мир характеризуется высоким уровнем индивидуальной свободы, единством и сплочённостью западных обществ, жёсткой конкуренцией, прагматизмом, скоростью принятия решений и своеобразной социальной безжалостностью, сочетающейся с высокой религиозной активностью. В противоположность этому, Восток демонстрирует особый национальный уклад, специфические подходы к хозяйственной деятельности и обеспечению экономического роста, суровость социальных отношений, а также более медленный и размеренный темп жизни, при этом не уступая Западу в уровне религиозного и идеологического фанатизма (см.: Богатуров 2022: 179–182).

События 2014 г. и разразившийся вслед за ними украинско-российский кризис существенно изменили представления о глобальном развитии. В рамках западного мира доминирующей моделью хозяйственного развития остаётся частно-индивидуалистический капитализм, что формирует представления Запада о неизбежности экономического присоединения к нему таких стран, как Украина, Беларусь, европейская часть России и государства Закавказья. На Западе сформировалась концепция интеграции бывших советских республик в «американо-европейский экономический корабль», которая активно навязывалась всему остальному миру, в том числе и пограничной Евразии и Азии как единственно возможный путь экономического прогресса для пост-социалистических стран.

Однако подобная западная концепция далека от реальных представлений большинства интеллектуалов Востока. Патриотически настроенные учёные и эксперты из стран Азии, Африки и Латинской Америки придерживаются принципиально иных взглядов на экономические приоритеты и перспективы развития. В российском интеллектуальном пространстве также сформировалось своеобразное сосуществование двух групп исследователей: тех, кто придерживается «проевропейских взглядов», отстаивая свободный рынок и экономические модели, близкие Высшей школе экономики, и тех, кто мыслит в логике более сильного государственного регулирования экономики, как это принято, например, в Московском государственном университете.

Представители незападных научных школ XXI в. формулируют свои собственные представления о будущем развитии мировой экономики. Страны Востока и Юга, такие как Китай, Южная Корея, Индия, Иран, Южная Африка, Республика Конго, Нигер, Танзания, Турция, Бразилия, Египет и нефтедобывающие государства арабского мира, выступают сторонниками модели с доминированием сильного государственного регулирования. Россия занимает двойственную позицию: с одной стороны, её сдерживают исторически сложившиеся представления о себе как о части Европы, с другой — географическое положение и богатство природными ресурсами азиатских регионов побуждают её к усилению экономического сотрудничества именно с Востоком.

Таким образом, российская наука о международных отношениях сегодня сталкивается с новой задачей: понять и описать незападные пути развития, объяснить, как страны Востока достигают экономических успехов благодаря учёту собственных культурных и социальных особенностей. В последние годы Россия начинает постепенно принимать эту сложную модель развития, сочетающую элементы капитализма с активной ролью государства в управлении экономикой.

При изучении этих альтернатив западной модели необходимо учитывать различия в климатических условиях, историческом опыте, экономических практиках и религиозных традициях, которые влияют на социальные роли и коммуникацию. Примером служит разное понимание таких базовых понятий, как «да» и «нет»: в азиатских и североафриканских обществах эти понятия имеют менее чёткое и более условное значение, что затрудняет взаимодействие и требует дополнительного разъяснения при переводе и межкультурной коммуникации.

В этом контексте особое значение приобретает выбор языка, на котором будут общаться представители стран Азии и пограничных евразийских государств. В русском языке значение многих понятий не вполне эквивалентно их значениям в английском, французском, испанском и немецком языках, что уж говорить о китайском, японском, вьетнамском и хинди. Перевод понятий и терминов на русский и восточные языки требует особых комментариев и пояснений (См.: Наумкин 2020: 78–93; Наумкин 2021: 42–59). Восточным странам необходимо прийти к единому пониманию того, на каком языке вести дискуссии — на русском, китайском, арабском или английском. Очевидно, что эти вопросы должны решаться преимущественно силами учёных и интеллектуалов Востока при активном, но взвешенном привлечении специалистов из западных стран, ориентированных прежде всего на интересы и ценности национально-культурной идентичности незападных обществ.

Сегодня очевидно, что идея регулярной смены власти, ставшая нормой на Западе, не является общепринятой для политической культуры стран Востока. Восточные общества отличаются особой культурной спецификой, среди которой важное место занимает осторожность перед нововведениями, соблюдение политических и религиозных традиций, склонность к ограниченным компромиссам и осторожное отношение к политическим инновациям. Разумеется, на Востоке также встречаются исключения и отклонения от этих правил, однако в целом они продолжают действовать благодаря глубоким культурно-историческим традициям, характерным для стран Азии, Африки и евразийского пограничья. То, что воспринимается как универсальная «норма» на Западе, совершенно иначе трактуется на Востоке.

В учебниках и исследованиях по теории международных отношений, создаваемых восточными учёными, было бы целесообразно специально подчеркнуть и объяснить это несоответствие, раскрыть разницу между западным восприятием демократии и восточным пониманием политической стабильности и сроки

пребывания у власти лидеров. Арабские страны, Иран, Китай, Россия, Турция, Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Туркменистан, Киргизия, Казахстан и Узбекистан также проводят выборы и используют электоральные процедуры, однако делают это с учётом своих региональных особенностей, культурной специфики и устоявшихся обычаев. В этих государствах демократия воспринимается и реализуется преимущественно через призму правящих элит, которые могут быть патриотическими, государственническими, патриархальными, прозападными или, напротив, основанными на других идеологических и культурных основаниях.

На Западе политические лидеры сменяются регулярно, примерно раз в пять лет. Между тем в странах Востока и Восточной Европы лидеры, как правило, удерживают власть значительно дольше – двадцать и даже двадцать пять лет. Возможно, настало время открыто признать эту существенную разницу как в культурно-цивилизационном, так и в политическом отношении применительно к Азии, евразийскому пограничью и Африке. Опыт таких стран, как Египет, Ливия, Сирия, Малайзия, Россия, Алжир, Тунис, Афганистан и Китай, заставляет задуматься о том, что подобная продолжительность власти может восприниматься не как отклонение, а как закономерность для многих незападных государств.

Сама идея длительного пребывания политических лидеров у власти, звучащая странно и даже вызывающе для европейского сознания, воспринимается вполне естественно для жителей стран Азии, Африки и пограничных евразийских регионов, включая Россию. Вероятно, именно это понимание необходимо включить в незападную школу теории международных отношений и глубоко изучить применительно к странам Восточной Европы, Азии и Африки. Период в полвека представляется достаточным сроком, чтобы восточные и евразийские интеллектуалы смогли осмыслить собственный исторический и политический опыт и внести его в мировую копилку знаний.

При этом стоит отметить, что представители восточных обществ представляют собой особый тип человеческого мышления, отличающийся от западного. По общему впечатлению, восточные народы – «восточные русские», арабы, татары, башкиры, белорусы, жители Восточной Украины, индийцы, народы Юго-Восточной Азии и китайцы – склонны мыслить и принимать решения медленнее и более обстоятельно, чем европейцы и американцы. После принятия решения восточные люди, как правило, приступают к его реализации вдумчиво и размеренно. Именно эти особенности восприятия и принятия решений, вероятно, лежат в основе специфических путей формирования и прихода к власти политических и экономических элит на Востоке.

Данное обстоятельство не является фантазией или предположением, а скорее представляет собой эмпирический факт, который должен быть интегрирован в учебники и исследования по теории международных отношений, создаваемые

на Востоке. Это позволит существенно снизить число необъяснимых и непонятных феноменов, присутствующих сегодня в восточной литературе по международной политике.

Восточная школа теории международных отношений сегодня испытывает новый вызов: не просто констатировать различия между Западом и Востоком, а подробно объяснять исторические и культурные причины этих различий. Например, медленное и постепенно формировавшееся высшее образование на Востоке привело к тому, что количество квалифицированных и способных политических и экономических лидеров оказалось ограниченным. Если такой лидер появляется, общество предпочитает сохранять его у власти максимально долго, так как альтернативы оказываются немногочисленными. Именно поэтому время пребывания у власти на Востоке часто оказывается значительно дольше, чем на Западе.

Таким образом, формируется важный запрос на создание полноценной незападной школы теории международных отношений (ТМО). Задача такой школы состоит в том, чтобы объяснить и донести до западных и восточных интеллектуалов фундаментальные различия в восприятии базовых политических норм⁵. Это не просто вопрос теоретического осмысления, а фундаментальная необходимость, обусловленная самой логикой развития современного мира, в котором теория международных отношений закономерно разделяется на западную и восточную традиции.

Высшее образование: между Западом и Востоком

Значительная часть молодых граждан восточных стран, получивших образование на Западе, выбирает остаться там и интегрироваться в западное общество, однако многие, считая себя патриотами, возвращаются в свои родные азиатские и африканские страны. Подобная тенденция повторяется из поколения в поколение, способствуя постепенному обновлению национальных элит и сохранению культурных и исторических традиций. Евразийские пограничные общества, а также жители Азии и Африки хорошо осознают, что только таким образом они способны сохранить свою культурную и цивилизационную идентичность. Для россиян это вовсе не означает отрицание или отвержение западных достижений и опыта, однако собственная евразийская, восточно-европейская и азиатская культура воспринимается ими как более близкая и ценная.

Активное вовлечение молодёжи стран Евразии, Азии и Африки в общественно-политическую жизнь их государств постепенно изменяет атмосферу и повестку, задаваемую новыми поколениями. Они непосредственно

⁵ Иницирующую роль сыграл сотрудник Института Африки РАН д-р полит. наук Д.А. Дегтерев. (См. Дегтерев 2017). Сюда можно отнести с поправками Китаиста д-ра полит. наук А.Д. Воскресенского.

включаются в процессы внутреннего развития своих обществ. При этом остаётся открытым вопрос: как быть тем молодым людям, которые стремятся получить элитное военное, интеллектуальное или экономическое образование на Западе? США, Великобритания, Франция, Италия и даже Япония продолжают оставаться привлекательными центрами образовательной миграции.

Какова ситуация в этом отношении на Востоке? Китай, накопивший значительный опыт в этом вопросе с начала 1980-х гг., уже давно сформулировал ясную позицию: молодёжь может свободно получать образование за рубежом, но при этом должна помнить, что в Китае существует собственная система образования – китайская по своей сути и содержанию. Такой подход активно используют и другие страны: Индия, государства арабского мира, Индонезия, Иран и Турция. Сегодня, например, если молодой специалист намерен построить успешную карьеру в Китае, он должен иметь, как правило, два диплома: один — китайского университета, второй — европейского или американского учебного заведения.

Российская система высшего образования также не остаётся в стороне от глобальной конкуренции за интеллектуальные ресурсы и таланты. Примером может служить Высшая школа экономики в Москве, которая занимает промежуточную позицию между российской образовательной традицией и зарубежными стандартами. Вначале студент получает российское образование, а затем – британское, американское, французское или японское. Впоследствии уже практика определяет дальнейшую судьбу выпускников: кто-то выбирает работать на Западе, а кто-то возвращается в Россию, осознавая, что на родине российский диплом обладает конкурентными преимуществами. Важно, что выбор карьерных приоритетов при этом можно соотносить с конкретными региональными экономическими и социальными условиями – будь то Сахалин, Иркутск, Владивосток, Омск или Новосибирск.

В более широком смысле, различия между западной и восточной моделями образования и мышления определяются различиями в восприятии времени и истории (Богатуров 2022: 170–183). Для западного мира характерно линейное и ускоренное восприятие времени, тогда как для Востока более типичным является циклическое, размеренное и неторопливое отношение к историческому процессу.

Именно поэтому незападная школа международных исследований стоит сегодня перед важной задачей: ускоренно изучать и осмыслять опыт стран Азии и Африки, детально анализировать достижения восточных обществ и преодолевать существующее отставание в области международно-политических исследований, проводимых на восточных языках и с учётом культурной специфики этих стран. В конечном итоге это позволит сформировать полноценную восточную традицию в теории международных отношений, способную адекватно описывать и объяснять мировые процессы с точки зрения незападного опыта и знания.

Некоторые российские приоритеты на Востоке

С 2014 г. внешнеполитические приоритеты России существенно изменились. Важнейшей задачей Москвы стало проведение политики, независимой от мнений и установок западных стран, а также продвижение собственных концептуальных подходов, сформулированных в новой Концепции внешней политики России от 2023 г. Контекстом этих изменений выступает проводимая с февраля 2022 г. Специальная военная операция на территории Украины⁶.

Особую роль в реализации внешнеполитических интересов играет информационная политика, прежде всего пропаганда. Под пропагандой здесь понимается распространение специально подготовленных информационных сообщений, мнений, оценок и трактовок событий, которые постепенно воспринимаются аудиторией как собственные убеждения и взгляды. Главной целью такой деятельности является воздействие на сознание и эмоции человека, с возможной последующей агитацией, побуждающей к определённым действиям.

Начиная с 2014 г. существенно усилилась пропагандистская активность стран НАТО, направленная на формирование выгодных для Запада оценок среди собственных граждан, а также украинской и российской аудиторий. В результате возникла ситуация своеобразной «идеологической войны», в которую вовлечены страны НАТО, Украина, Россия, Беларусь, Китай, Иран, Индия, Вьетнам, государства СНГ, Юго-Восточной Азии, арабского мира и Латинской Америки.

В ответ на это Россия активно развивает контрпропагандистские мероприятия, направленные на продвижение собственной версии происходящих событий. Такие меры затрагивают деятельность российских государственных органов, СМИ, интернета, телевидения и радиовещания. Основная задача контрпропаганды заключается в обеспечении широкой российской и международной аудитории доступом к официальным оценкам и трактовкам Москвы, а также в нейтрализации информационного воздействия со стороны Украины и НАТО. Важной международной площадкой, где Россия могла бы успешно донести свои позиции, могут стать саммиты «Большой двадцатки» (G20). Присутствие на нём стран Азии, Африки и Латинской Америки, наряду с традиционно участвующими государствами Европы и Северной Америки, создаёт благоприятные условия для продвижения российского взгляда на мировые проблемы.

В этом контексте особую значимость приобретает задача формирования общей азиатско-африканской экономико-политической системы, которая могла бы объединить страны Востока вокруг общих институтов, норм,

⁶ Анализ последствий для Украины представлен А.В. Картуновым в статье о политике НАТО после начала спецоперации России. См.: Картунов А.В. 2022. Москве надо готовиться к длительному противостоянию с Вашингтоном. *Независимая газета*. 29 мая.

ценностей и культурных представлений. Подобная система должна включать не только формальные политико-экономические структуры, но и учитывать специфические особенности сознания, религиозных традиций, мировоззренческих установок и исторических практик азиатско-африканских обществ, вплоть до сохранения элементов родовых и традиционных форм социальной организации⁷.

Как постоянный член Совета Безопасности ООН Россия могла бы сыграть ключевую роль в инициировании и поддержке такой организационной структуры. Сегодня отсутствие платформы для обсуждения общих проблем азиатских и африканских стран создаёт впечатление сознательного игнорирования этих регионов западными государствами и недостаточной активности самих восточных стран в рамках ООН.

На этом фоне особое значение приобретает применение специфических восточных методов политического и экономического взаимодействия. Такие методы доказали свою эффективность в государствах Азии и пограничных евразийских стран. Их главной особенностью является стремление к достижению консенсуса между разнородными социальными и экономическими группами: элитами («мировой верх»), средним классом (включая Китай, Индию, транзитные и нефтедобывающие государства, страны АСЕАН), наиболее бедными слоями общества («мировой низ»), а также теневыми структурами («континентальные подполья»: зоны влияния исламистских группировок, мафии, нарко-трафика и контрабанды).

В широком понимании азиатско-африканское общество представляет собой сообщество жителей стран Востока, объединённых общей идентичностью, признающих необходимость экономического и культурного взаимодействия с Западом, однако отказывающихся мириться с его доминирующим положением. Западные элиты по-прежнему стремятся регулировать международные отношения, исходя из базовых первичных инстинктов и интересов: стремления к силовому превосходству, военно-политическому доминированию, контролю над экономическими ресурсами и глобальному влиянию. Подобный подход вызывает растущее неудовлетворение со стороны таких ведущих незападных держав, как Китай, Индия, Бразилия и Южная Африка.

Организация Объединённых Наций в XXI в. существенно изменила свой образ и постепенно превращается в институт, воспринимаемый как антироссийский и находящийся под сильным влиянием США и западноевропейских стран. Североамериканские и европейские государства после 2014 г. подчинили свои международно-политические стратегии главной цели — обеспечить поражение России в её конфликте с Украиной и НАТО⁸.

⁷ В какой-то мере в «третьем мире» это указывает на наличие параллелей с Движением неприсоединения, возникшем в 1961 г. в Югославии и действующем сегодня.

⁸ См. (Будущее мировой политики... 2020: 10–35). Написано в духе подчёркивания «относительной близости» подходов американских, британских и российских исследователей.

В свою очередь, российская внешняя политика ставит перед собой обратные задачи: не допустить победы западного блока и Украины, а также завершить переориентацию своих экономических и политических связей с Запада на Восток. Этот подход предполагает рациональное переосмысление внешнеполитических приоритетов России, основанное на внимательном изучении и учёте возможных реакций и позиций восточных государств по вопросам дальнейших отношений между Россией и Украиной.

Информационная политика: российско-азиатский опыт

В третьем десятилетии XXI в. произошли существенные изменения в восприятии незападных стран как самостоятельных участников международной системы. Сегодня восточные государства способны самостоятельно формулировать и выдвигать собственные концептуальные тезисы в международных организациях, включая Организацию Объединённых Наций. Вместе с тем в современном мировом дискурсе по-прежнему преобладает высокомерное и пренебрежительное отношение Запада к восточным и евразийским странам, несмотря на впечатляющие достижения Китая, Индии, России, Турции, Южной Кореи, Малайзии и ряда арабских стран, прежде всего в экономической и военной сферах.

Для западного политического порядка, особенно начиная с 2014 г., характерны идеологизированность и повышенный уровень критики в отношении России и Китая, направленной на утверждение западных представлений о демократии и «территориальной целостности евразийского пространства». При этом либеральные ценности и методы управления конфликтами отошли на второй план. Эмоциональная и зачастую целенаправленно формируемая негативная реакция на действия Москвы, управляемая западными медиаструктурами, закрепила образ России как агрессивного и жёсткого государства, якобы не способного принять и разделить предлагаемый Западом образ жизни и культурные ориентиры.

Первые проявления подобной стратегии Запада стали заметны ещё летом 2008 г. во время российско-грузинского конфликта⁹. Уже тогда информационная политика США и Европейского союза была направлена против России, причём наблюдалась практически полная синхронизация действий американских и европейских медиакорпораций, создающая впечатление единого сценария информационной атаки. Однако в тот период российская сторона, казалось, не придавала должного значения происходящему.

⁹ Авто был тогда в поездке в Швеции и Норвегии и все это наблюдал по местному телевидению и радио. Описывая суть конфликта в Грузии, ни в одном из зарубежных комментариев не была даже упомянута проблема южных осетин, которая были сутью конфликта! Целенаправленная пропаганда!

События 2014 г. стали продолжением и логичным развитием западной информационной политики. С этого момента информационные атаки на Россию, Китай, Иран и Беларусь воспринимались в Москве уже совершенно иначе, что способствовало формированию и реализации российских контрмер. В информационном противостоянии Россия стала использовать незападные подходы и методы ведения коммуникационной политики, которые учитывали специфику незападного мышления и восприятия событий международной политики.

Информационные сообщения и материалы восточных информационных агентств и государственных источников Китая, Северной Кореи, Вьетнама, Ирана и стран СНГ стали распространяться в России с большей свободой, чем материалы западных агентств. Это не означает полного отказа от западных источников («Франс-пресс», «Ассошиэйтед пресс», «Рейтер»), которые по-прежнему доступны восточной аудитории, однако граждане России и Китая, как правило, воспринимают и интерпретируют эти материалы с большой осторожностью.

Важным элементом современной информационной политики становится стратегия сопровождения, которая представляет собой психологическое воздействие, систематически используемое Западом в отношении России и государств Востока. В ответ на это Москва ставила задачу добиться эффекта перенасыщения западной аудитории украинской тематикой, рассчитывая на то, что со временем у зрителей и читателей произойдет естественное ослабление интереса к данному вопросу. Предполагалось, что внимание западной публики постепенно вернется к традиционно доминирующим темам повседневности: экономике, интернет-технологиям, культуре, спорту и религиозной жизни. Одновременно целью информационной политики России являлся постоянный мониторинг восприятия западными и внутренними аудиториями фактов о реальной ситуации на линии соприкосновения. Для этого использовались материалы российских телеканалов, радиостанций, новостных агентств, а также личные свидетельства очевидцев — российских граждан, военнопленных украинских солдат и представителей иных национальностей, оказавшихся в зоне конфликта. При этом следует учитывать, что не все подобные свидетельства могли быть полностью проверены.

Ситуация в восприятии Россией международной информационной политики изменилась по нескольким направлениям. Во-первых, было окончательно осознано, что западные медиакомпании действуют скоординированно против России. Во-вторых, Москва активно использует весь доступный информационный ресурс против западной трактовки событий. В-третьих, переориентация внешней политики России на Восток предполагает, что восточные государства в полной мере осознают сложность международного положения, в котором оказалась Россия. Это проявляется в демонстрации лояльности со стороны стран СНГ, Китая, Индии, государств арабского мира, Ирана, стран Юго-Восточной

Азии и Северной Корее, которые воздерживаются от поддержки и распространения информационных установок, транслируемых западными государствами и СМИ.

Сегодняшняя цель России больше не заключается в расширении влияния на Европу, поскольку значительная часть европейского информационного и культурного пространства уже прочно интегрирована в американскую зону влияния. Важно определить восточную границу этого американо-европейского «конгломерата процветания».

Россия обратилась к Востоку в значительной степени под влиянием необходимости компенсировать ресурсы и возможности, потерянные в результате разрыва отношений с Западом. Москва интеллектуально и информационно противостоит США, Канаде и странам Западной и Центральной Европы, опираясь на сотрудничество с Востоком и на богатую историческую, культурную и цивилизационную традицию азиатских государств (Китая, Индии, арабских стран, Ирана, Таиланда, Малайзии и Индонезии).

В странах Востока активно обсуждается степень надёжности Москвы как международного партнёра, а также культурная специфика российского опыта взаимодействия православных, исламских, иудейских, буддистских и атеистических сообществ. Перед государствами Азии и Африки сегодня стоит важная задача: через изучение и осмысление исторического и политического опыта Евразии выработать собственный азиатско-африканский подход к восприятию и адаптации цивилизационных стандартов, предложенных Западом. Россия, со своей стороны, стремится внести вклад в формирование взаимопонимания между Западом и Востоком по этим вопросам.

Заключение

Россия сегодня последовательно анализирует и активно осваивает те новые перспективы и возможности, которые открываются перед ней благодаря усилению взаимодействия со странами Востока и евразийского пограничья. Этот процесс сопровождается существенным изменением её отношений с государствами Запада. Отношения России с западными странами прошли через глубокую трансформацию и приобрели преимущественно военно-политический характер, что подтверждается рядом официальных заявлений российских представителей и принятием новой Концепции внешней политики 2023 г. По всей видимости, в ближайшей перспективе именно этот формат будет преобладающим.

Происходящие перемены в международной системе требуют не только практической переориентации политики России, но и принципиального переосмысления того, как государства Востока и евразийского пограничья видят и оценивают глобальные проблемы и собственную роль в их решении. Это невозможно без серьёзной эволюции теоретических подходов и концепций, отражающих незападный опыт и культурно-исторические особенности восточных обществ.

Сегодня особенно важно сформировать и развить самобытную восточную традицию теоретического осмысления международных отношений, которая способна не просто предложить альтернативу западным моделям, но и выступить основой для конструктивного межкультурного диалога.

Для России, позиционирующей себя как евразийская держава, участие в создании и продвижении такой незападной теоретической модели является одной из наиболее приоритетных задач. Вклад России в развитие взаимопонимания между Западом и Востоком и в построение общей платформы для решения глобальных проблем может стать значимым фактором стабилизации международной системы в XXI в. В конечном итоге, успешность данного подхода будет зависеть от способности восточных и евразийских государств консолидировать усилия и выступить с едиными позициями по ключевым вопросам современности.

Об авторе:

Алексей Демосфенович Богатуров – доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Редакционной коллегии журнала «Международные процессы». Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: alebog@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.8:321.01:316.42
Received: February 10, 2025
Accepted: June 15, 2025

The East in Russian Foreign Policy Thought: Rethinking the International Order

 A.D. Bogaturov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-4-103-46-65](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-46-65)

International Trends Journal

Abstract: The conflict in Ukraine has revealed stark divergences in how Western and non-Western states interpret global crises. With few exceptions, countries of Asia, Africa, and Latin America have refrained from supporting Western sanctions against Russia, choosing instead positions of neutrality or cautious engagement. These responses reflect not only pragmatic interests but also the persistence of alternative civilizational perspectives that challenge the presumed universality of Western categories in international relations. This article argues that the new geopolitical reality compels Russia to balance confrontation with a hostile European environment against the consolidation of cooperative ties with Asian and African partners.

From Moscow's perspective, the international system now appears bifurcated into two blocs: a Western one marked by institutional discipline and pragmatic cohesion, and an Eastern one shaped by national traditions, distinct models of economic growth, and resilient cultural frameworks. The analysis highlights three interrelated themes. First, it emphasizes the growing importance of conceptualizing a non-Western perspective within Russian scholarship, one that critically reassesses the translation of Western terms and recognizes the cultural specificities of Eastern societies. Second, it points to the need for an institutional platform under United Nations auspices to articulate an independent Eastern civilizational narrative and strengthen non-Western cooperation. Third, it identifies cognitive and decision-making styles in Eastern societies as a distinctive factor shaping political practice and international interaction. The article concludes that developing a coherent inter-civilizational code, grounded in Eurasian, Asian, and African experiences, is essential for constructing alternative theoretical frameworks of international relations and for redefining the global order beyond Western paradigms.

Keywords: Russia, foreign policy, Russia-Ukraine conflict, sanctions, East, Latin America, non-Western approaches, Asian UN platform, Eurasian identity, inter-civilizational dialogue, international relations theory, information policy

About the author:

Alexei D. Bogaturov – Doctor of Political Science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Editorial Board of the journal *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*. Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76.
E-mail: alebog@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- ASEAN *v nachale XXI veka: Aktual'nye problemy i perspektivy* [ASEAN at the Beginning of the 21st Century: Current Issues and Prospects]. 2010. Otv. red.: E.V. Kobelev, G.M. Lokshin, N.P. Maletin. Moscow: Forum. (In Russian).
- Bogaturov A.D. 2022. *Prikladnoj analiz mezhdunarodnoj politiki. Situacii i konflikty. 1992–2021 gg.* [Applied Analysis of International Politics. Situations and Conflicts. 1992–2021]. Moscow: Aspekt press. (In Russian).
- Borovskij Yu.V. 2024. Vzglyad nastupatel'nogo realizma i liberalizma na vneshnyuyu politiku SSHa [The View of Offensive Realism and Liberalism on U.S. Foreign Policy]. *Polis. Political Studies*. №1. P. 21–35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03
- Budushchee mirovoj politiki: tekhnologii, konflikty, instituty* [The Future of Global Politics: Technology, Conflicts, and Institutions]. 2020. Red. sostav. Sushencov A.A., Fomin I.A., Uolfort U.K. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
- Degterev D.A. 2017. *Teoretiko-igrovoj analiz mezhdunarodnyh otnoshenij* [Game-Theoretic Analysis of International Relations.]. Moscow: Aspekt press. (In Russian).
- Naumkin V.V. 2020. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-civilizaciya? [Non-West Model: Does the Civilization-State Exist?] *Polis. Political Studies*. №4. P. 78–93. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06
- Naumkin V.V. 2021. Sovremennyy konvergentnyj arabskij nacionalizm v zerkale istoricheskoy pamyati [Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory]. *Polis. Political Studies*. №6. P. 42–59. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2021.06.04

Popov V. 2007. Al'yans civilizacij [Alliance of Civilizations]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. №8. (In Russian).

Cheshkov M.A. 2005. *Globalizaciya kak nauchnoe znanie* [Globalization as Scientific Knowledge]. Moscow: NOFMO. P. 65–66. (In Russian).

Chumakov A.N. 2010. *Globalizaciya. Kontury celostnogo mira* [Globalization. The Contours of a Holistic World]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы. 2010. Отв. ред.: Е.В. Кобелев, Г.М. Локшин, Н.П. Малетин. Москва: Форум.

Богатуров А.Д. 2022. *Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты. 1992–2021 гг.* Москва: Аспект пресс.

Боровский Ю.В. 2024. Взгляд наступательного реализма и либерализма на внешнюю политику США. *Полис*. №1. С. 21–35. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03

Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты. 2020. Ред. состав. Сушенцов А.А., Фомин И.А., Уолфорт У.К. Москва: Весь мир.

Дегтерев Д.А. 2017. *Теоретико-игровой анализ международных отношений.* Москва: Аспект пресс.

Наумкин В.В. 2020. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис*. №4. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06

Наумкин В.В. 2021. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. *Полис*. №6. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.04

Попов В. 2007. Альянс цивилизаций. *Международная жизнь*. №8.

Чешков М.А. 2005. *Глобализация как научное знание.* Москва: НОФМО. С. 65–66.

Чумаков А.Н. 2010. *Глобализация. Контуры целостного мира.* Москва: Проспект.